

КИТАЙ В СОЗНАНИИ РУССКОГО ЭМИГРАНТА (1920-1930-е гг.)

Для десятков тысяч русских, покинувших свою страну в период кровавых потрясений революции 1917 г. и Гражданской войны, Китай стал фактически второй родиной. Значительная русская диаспора, несмотря на постоянное уменьшение ее численности, просуществовала на территории Китая вплоть до начала 1960-х гг., являясь участницей бурных исторических событий, которые пережила в этот период страна. При этом русская диаспора существовала как самостоятельное социально-культурное образование, четко отделяя себя от китайской этнокультурной среды и сохраняя почти в полной неприкосновенности национальную идентичность. Китай и китайцы существовали как некое внешнее окружение.

Долгое пребывание на территории Поднебесной обусловило формирование в сознании русского эмигранта целого комплекса представлений о Китае и его жителях. Источниками, оказавшими влияние на формирование образа Китая в эмигрантской среде, являлись прежде всего представления об этой стране и ее жителях, существовавшие в российском сознании еще в дореволюционный период, которые получили определенную корректировку и дальнейшее развитие в условиях эмиграции.

По нашему мнению, можно говорить о двух направлениях в осмыслении Китая и формировании его образа, характерные для российского сознания начала XX века: позитивно-нейтральном и негативном¹. Позитивно-нейтральное направление достаточно высоко оценивало культурную самобытность, большую историческую длительность и непрерывность китайской цивилизации, потенциал которой отнюдь не исчерпан и возрождение униженного европейскими державами Китая уже началось. Китай здесь выступал либо потенциальным союзником России (и ей не следовало прибегать к европейскому стилю политики в отношении Китая), либо пространством для осуществления особой миссии России, что для Китая имело самые позитивные последствия. Негативное направление воспринимало Китай в качестве отсталой, варварской страны, где все ожесточенно противостоит современности, прогрессу. Видело в нем угрозу (часть или даже авангард «желтой опасности») для европейских стран и, прежде всего, для России. При этом два этих видения могли своеобразным образом переплетаться, уживаться в сознании одного человека.

Источники для изучения представлений русских эмигрантов о Китае и его жителях многообразны, но одним из наиболее важных и информативных источников являются документы личного происхождения, в частности, дневники. Документы личного происхождения сочетают как личное восприятие, осознание автором окружающей реальности, так и коллективные представления, характерные для той или иной социальной группы, сообщества, к которым принадлежит автор. Кроме того, ценность дневника состоит в том, что в отличие от других видов источников личного происхождения (в частности, мемуаров) он дает исследователю непосредственное индивидуальное отражение окружающей реальности, еще не подвергнутое переосмыслению и интерпретации в соответствии со знанием последующих событий.

Большая часть источников личного происхождения, где в максимальной степени нашло выражение индивидуальное и коллективное видение образа страны проживания, исходит из слоев русской культурной элиты. Интеллигенция не только более тонко и нередко с большим интересом воспринимала окружающую действительность, но и обладала способностями выразить воспринимаемое в текстовых образах. В нашем случае в качестве основного источника изучения образа Китая выступают недавно опубликованные дневники супругов И.И. и А.Н. Серебренниковых².

И.И. Серебренников и его жена были заметными фигурами общественной и культурной жизни дореволюционного Иркутска³. После революции Иван Иннокентьевич вошел в состав антибольшевистского Временного Сибирского правительства, а позднее Омского правительства А.В. Колчака. В конце 1919 г. Серебренниковы в чешском эшелоне эвакуировались на территорию Китая. Где проживали сначала в Харбине и Пекине, а с 1922 г. надолго обосновались на иностранной

¹ Значительным достижением в изучении образа Китая в российском сознании является недавно вышедшая работа А.А. Лукина «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI вв.» М., 2007.

² Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н.Серебренниковых. В 5 т. Т. 1: «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» (1919-1934) / Гуверовский ин-т революции, войны и мира; Предисл. Раева М.; Сост., вступит статья, подготовка текста, биографический словарь и коммент. Хисамутдинова А.А.; Общая ред.. Ляндерса С.М. М., 2006.

³ Подробнее см.: Хисамутдинов А.А. Александра Николаевна и Иван Иннокентьевич Серебренниковы. Биографический очерк // Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых...; Он же. И.И. и А.Н. Серебренниковы – ученые бессребреники // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5. С. 154-162.

концессии Тяньцзина. Здесь Серебренниковы занимались литературной, общественно-научной, образовательной деятельностью, некоторое время содержали книжный магазин и публичную библиотеку. В 1927 г. супруги решили перебраться в Европу, в Чехословакию, но в последний момент передумали и остались в Тяньцзине. Здесь в 1953 г. в ожидании разрешения на выезд из Китая скончался Иван Иннокентьевич. Александра Николаевна с трудом покинула Китай в 1955 г., переехав сначала в Европу, а затем в Америку, которая стала для нее третьей и последней родиной. Она умерла в Сан-Франциско в 1975 г.

Китай с самого начала пребывания здесь Серебренниковых вызывал к себе их большое внимание. Образ Китая, проступающий со страниц их дневников, двойственен. С одной стороны, это «Китай этнографический» – объект исследования, научного анализа, с другой стороны, Китай – пристанище эмиграции, «горькая чужбина», где русские обречены существовать вдали от родины.

Как показывает дневник А.Н. Серебренниковой, с самых первых дней пребывания на китайской земле, несмотря на крайнюю озабоченность своей дальнейшей эмигрантской судьбой, супруги живо знакомились с китайской действительностью, ее населением. Уже это первое знакомство, с одной стороны, пробуждало исследовательский интерес, но, с другой, вызывало ностальгические приступы от столкновения с окружающей «китайщиной».

После пребывания на станции Маньчжурия в начале 1920 г. Александра Николаевна отмечала: «В общем, Маньчжурия мне не понравилась. Голо, пусто – ни деревьев, ни кустов. По виду не то город, не то деревня; на улицах шумно, но как-то неуютно. Все странно и чуждо для нас: в магазинах – русские торговцы, русская речь, но русским духом и не пахнет; китайщина все собой подавляет»⁴. Посещение станции Чжаланьтунь добавляет впечатлений: «Ходили в китайскую деревню – точно в настоящем Китае побывали: узенькая, грязная улочка, низенькие лавчонки, кругом кишмя кишат китайцы: женщины, старики, ребятишки. Девочки-китайки, лет 14-15-ти, очень мило причесаны, с бумажными цветами в волосах; почти у всех – крошечные, изуродованные ножки. Одеты женщины и девочки в мужские штаны и кофты-курмушки из пестрой или черной, с крупными цветами, материи. В лавках китайцы очень вежливы: здороваются, а когда уходишь – забегают вперед и отворяют двери...»⁵.

Попав в Пекин, еще недавно величественную столицу Китайской империи, Серебренниковы начинают активно знакомиться с архитектурными памятниками, историей страны, посвящая немало страниц в своих дневниках описанию тех мест, которые они посещали. Серебренниковых, особенно Александру Николаевну, притягивает экзотическая культура Китая, наполняя их осознанием ее древности (аналогичной Античности!), развитости и величия.

30 января 1921 г. Александра Николаевна отмечает в своем дневнике: «В свободное время опять знакомимся с достопримечательностями древней китайской столицы, куда забросила нас судьба. Посетили дворцовый музей – бывший когда-то дворец богдыханов. Впечатление – колоссальное. Еще как только вступили мы во внутренний двор, невольное восхищение коснулось сердца. Перед нами была совершенно античная площадь, большие плиты, которые заросли теперь травой... Мы вошли внутрь главного дворцового строения... Мы побывали в тронном зале... Какое искусство, какая великая красота во всех этих произведениях древнего китайского гения! Недаром говорили нам, что Китай – страна тысячелетней высокой культуры»⁶. 6 февраля: «Сегодня мы совершили долгую прогулку: побывали в Храме Неба, о котором много слышали и который видели изображенным на открытках и, в увеличенном виде, в окнах фотографических магазинов... То, что мы увидели сегодня, превзошло все наши ожидания. Волшебная сказка – иначе я не могу назвать картину, представившуюся нашим глазам. Мы вошли в открытые широкие ворота Храма Неба и очутились в обширной усадьбе, засаженной громадными туями и другими высокими деревьями... Мы пошли прямо по широкой длинной аллее и поднялись по ступеням вверх. И здесь, во всем своем великолепии, предстал перед нами этот овеянный древностью Храм... Первые впечатления были так сильны и захватывающи, что я просто села на мраморную оградку возле храма и углубилась в молчаливое восхищение. Нас было человек шесть здесь, и все как-то притихли, не хотелось нарушать словами царствовавшую вокруг нас красоту и гармонию»⁷.

Сильное впечатление на А.Н. Серебренникову оказывает китайский новый год, празднование которого она с мужем впервые наблюдает в Пекине в 1921 г.: «Китайский Новый год. Ярко

⁴ Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых... С. 69.

⁵ Там же. С. 74.

⁶ Там же. С. 96, 97.

⁷ Там же. С. 98.

освещенная улица, множество цветных фонарей, гром хлопушек, ракеты, фейерверки, крики, смех, шум бесчисленных уличных толп... Признаюсь, меня с силой охватило ощущение необыкновенной праздничности – гораздо большее, чем в наш собственный Новый год. Поздно вечером услышали мы мерные удары в большой колокол – гулко, грозно и торжественно пронеслись они и замолкли. Нам сказали, что это колокол ламайского храма. Я прислушивалась к нему с почти благоговейным чувством: соприкосновение с чужой религией, с чужим Божеством – странно сказать – как-то мистически волнует меня»⁸.

Величие китайской культуры и истории восхищает Серебренниковых. Вместе с тем столкновение с ее современным населением и некоторыми сторонами их жизни вызывает весьма неприятный осадок. Та же Александра Николаевна отмечает: «Присматриваюсь к окружающим нас китайцам. Впечатление не в их пользу: хитрые, стараются при всяком случае обмануть, обсчитать. Попросила я одного из них купить мне ярд простого ситца. Принес, сказал, что стоит доллар. Я дала, еще прибавила на чай 30 центов. Потом оказалось, что ярд такого ситца стоит 40 тунцзыров, т.е. примерно 20 центов»⁹. Другой неприятный случай произошел во время возвращения домой после посещения Храма Конфуция, оставившего самые приятные впечатления. «Мы пошли домой пешком – было нас четверо, и по дороге непрерывно лезли к нам китайские ребята, прося подачек. Одна девочка, лет восьми, особенно назойливо и нахально приставала к нам: шла за нами по пятам, что-то канючила, чуть не теребила меня за платье. Мы сначала шли спокойно, не оглядываясь... Но нахальное упорство этой девчонки начало меня раздражать. Я прикрикнула на нее, она остановилась, но когда я двинулась вперед, она опять пошла за нами. Чем больше мы на нее злились, тем нахальнее она становилась: злорадно хихикала и шла, не отставая от нас. Был момент, когда я почувствовала бешеное желание толкнуть, ударить ее... Я до самого вечера, вспоминая о ней, ощущала приливы злобы и раздражения»¹⁰.

Необычайность, таинственная притягательность и в то же время чуждость того, с чем пришлось столкнуться в первое время жизни в Китае, порой порождало у Серебренниковых ощущение нереальности происходящего, недоумение от того, как они здесь очутились¹¹. Описывая позднюю прогулку по Пекину, Александра Николаевна издает поистине крик души: «...Полная луна сияла на небе, было тихо. Мы проходили узкими глухими переулками, с безмолвными стенами китайских жилищ. Изредка попадались нам навстречу китайцы, двигавшиеся бесшумно в своих мягких матерчатых туфлях и где-то также бесшумно исчезающие. И вдруг все это показалось мне сном, миражом: луна, стены, китайцы... Я даже остановилась на дороге и с недоумением огляделась кругом: где я? Куда занесло меня судьбой? Все было так не реально, странно и чуждо: я – в Китае, в Русской Духовной Миссии Пекина, города, который я всегда представляла себе где-то за тридевять земель и в который никогда не стремилась. Надо мной – чужое небо, и смотрит на меня чужая луна...»¹².

Тесное соприкосновение с китайской культурой и историей побуждает И.И. Серебренникова приступить к ознакомлению с этой страной своих соотечественников, русских эмигрантов. Тем более что работа в этом направлении в эмигрантской среде почти не велась. Однажды, прочитав статью Н.М. Ядринцева в «Восточном обозрении» за 1889 г., где автор отмечает отсутствие китаеведческих исследований, исходящих из среды тех русских, кто проживает в Китае, в отличие от англичан и французов, Иван Иннокентьевич, напишет в своем дневнике: «Справедливыми остаются указания Н.М. Ядринцева и на нашу русскую инертность в исследовательских делах. В Тяньцзине в настоящее время проживают несколько бывших русских консулов, живших подолгу в Монголии или Синьцзяне. Спросите их, однако, имеют ли они какие-либо исследовательские работы о странах, где они жили и работали, и вы получите только отрицательные ответы»¹³. Впоследствии Серебренников отметил «русскую исследовательскую инертность» и в своих воспоминаниях: «Работа русских синологов в Пекине велась преимущественно, если можно так выразиться, по словарной линии. Составление словарей с добавлением в них новых китайских иероглифов, вызванных в жизнь тем, что мы могли бы назвать европеизацией Китая и его политико-юридическим развитием, – вот что интересовало главным образом

⁸ Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых... С. 69.

⁹ Там же. С. 95.

¹⁰ Там же. С. 99, 100.

¹¹ Как показывает знакомство с документами личного происхождения других русских эмигрантов, такие настроения были характерны для многих из них в начальный период пребывания в Китае.

¹² Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых... С. 100.

¹³ Там же. С. 218.

наших синологов... За исключением И.П. Митрофанова, почти никто из пекинских русских синологов не уделял внимания вопросам экономического изучения Китая, его этнографии и истории»¹⁴.

На протяжении 1920-30-х гг. Серебренников подготовил и частично издал целую серию этнографических статей, посвященных религиозным культам, мифологии, поверьям и фольклору китайцев, а также описанию повседневной жизни китайского населения. На страницах его дневника также неоднократно встречаются заметки о китайских праздниках (например, о празднике Луны)¹⁵ и бытовые зарисовки. Вот, например, что он пишет о китайской шумливости (1932 г.): «Удивительно шумны сами китайцы. Не дай Бог, если рассорятся две китайянки. Они будут кричать, визжать, и вы подумаете, что кого-нибудь режут. Китайцы-мужчины тоже любят горлопанить, кричать и петь. Пожалуй, прав один иностранец, который как-то сказал, что “noise is a national necessity of China”»¹⁶.

Между тем в 1930-е гг. в дневниках Серебренниковых все больше нарастает вызванное обостряющейся ностальгией по навсегда утраченной родине негативное отношение к окружающей «китайщине» и желание покинуть Китай. 29 апреля 1933 г. Иван Иннокентьевич отмечает в своем дневнике: «День был сегодня необычно жаркий и душный. В такие дни, в апреле месяце, всегда чувствуешь себя крайне скверно. Господи! Хоть бы на месяц побывать в Сибири и подышать родным воздухом!! Китай осточертел до полной невозможности переносить его более»¹⁷. 29 августа: «Надо как-то располагаться на 14-ю осень в Китае. Надежд на возвращение в родные края нет никаких. Китай, китайцы и китайщина надоели и опостытели до последней возможности...»¹⁸. 17 сентября: «...Вечером ко мне забрел Mr. Moge. С ним долго говорили о китайцах и Китае.

– Я ненавижу китайцев, презираю их, – говорил мне мой собеседник. – Я смертельно устал от Тяньцзиня. Нужно куда-нибудь уезжать отсюда.

Признаться сказать, я разделял его настроение и мысли. Но куда тронешься без денег? Хоть бы выиграть кучу денег в какую-нибудь лотерею! ... Мы с женой уже несколько раз пытали счастье, но все неудачно...»¹⁹. 29 декабря: «Чем ближе к нашим Рождественским праздникам, к Новому году, тем грустнее как-то становится на душе. Время идет, стареешь, одолевают разные болезни, а возврата домой, на родину, не видишь и не предчувствуешь. Спрашивается, почему эти интернационалисты, всякий международный сброд живут в России, а ты, русский, должен заканчивать свои дни в каком-то чужом Китае; жить среди народа, с которым за тринадцать лет жизни здесь не имеешь, не можешь найти ничего общего... Что за нелепица?!»²⁰.

В своих дневниковых записях Александра Николаевна вторит мужу: «Надоел Китай, жизнь стала тягостна своим однообразием, безысходностью. Вспомнила, как в Пекине, в Бейгуани, наша военная молодежь пела: Эх, яблочко, куда ты котишься? В Китай попадешь, не воротиться. Вот и докатилось наше русское яблочко до предельной точки!»²¹.

И.И. Серебренников все чаще отмечает, что притягательность Китая и его культуры заметно ослабевает по мере того, как все более тесно знакомишься с его действительностью. Замечательны в этом плане его размышления от 8 октября 1932 г., которые мы позволим себе привести почти полностью.

«Надоели ли мы друг другу? Мы – это китайцы и русские эмигранты, засевшие в Китае. Как будто бы – да! Долгое сожительство рядом, бок о бок, нос к носу становится как будто уже мало выносимым. Китайцы перестают привлекать к себе симпатии, когда имеешь время к ним приглядеться. Этого времени мы имеем более чем достаточно. Становится противным тот дух торгашества, коим китайский народ проникнут сверху донизу. Все эти «комишоны» (commission), взятки, поборы – альфа и омега китайской жизни. Возьмите китайского повара, который служит у вас, повара хорошего, честного. Он не позволит себя взять ни одной вещи у вас, как бы плохо она не лежала. Но он всегда будет брать комиссию с прачки, которая стирает вам белье, с поставщика продуктов и т.д., потому что это освящено обычаем, стародавней практикой... Если китайцу попадет в руки та или иная денежная сумма для торгового оборота, он должен что-то заработать для себя: это закон, который необязателен только для дураков.

¹⁴ Цит. по: Хисамутдинов А.А. Александра Николаевна и Иван Иннокентьевич Серебренниковы. Биографический очерк // Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых... С. 23.

¹⁵ Там же. С. 223, 224.

¹⁶ Там же. С. 193.

¹⁷ Там же. С. 308.

¹⁸ Там же. С. 328.

¹⁹ Там же. С. 332.

²⁰ Там же. С. 360.

²¹ Там же. С. 346.

Чиновники – как будто все казнокрады и взяточники. Богатые и прибыльные должности сдаются на откуп. Понятно, что откупщик старается заработать «за свое время» как можно более...

Китайские гражданские войны – это тоже своего рода коммерция. Эти войны разоряют население, но безмерно обогащают генералов, которые нередко превращаются в миллионеров и запасаются особняками на иностранных концессиях портовых городов Китая.

Выходит, гнилая сердцевина у государства. Если вы начинаете смотреть на китайца как на лицо, которое всегда можно купить и подкупить, вы невольно теряете всякое уважение к нему и начинаете понимать причину всех беспорядков и настроений в его стране. Вы готовы уже презирать китайца и в то же время чувствуете, что он сам презирает вас, потому что вы как русский беженец – бесправны, беззащитны, за вами нет такой силы, которая могла бы при случае вас защитить, и если он ведет еще с вами кое-какие дела, то только потому, что у вас есть еще некоторые средства, которыми можно попользоваться...

Торгашество, страх и преклонение перед сильным, издевательство над слабым – может ли все это действительно привлекать симпатии к китайцу? Конечно, нет. Одно время Китай как вновь возрождающаяся страна привлекал к себе симпатии мира, но, кажется, к теперешнему моменту от этих симпатий уже осталось очень немного...»²².

Целый ряд критических замечаний в отношении китайской действительности обнаруживаются и на других страницах дневников Серебренниковых, чаще всего у Ивана Иннокентьевича.

5 января 1932 г.: «...Я прожил в Китае уже одиннадцать лет и скажу: нет на свете чиновника более мерзостного, пакостного, лихоимного, чем в этой стране. Разве только наша сановная коммунистическая дрянь может выдержать сравнение в этом отношении»²³. Такое сравнение с советским режимом в России, который Серебрянников не принял до конца своих дней, говорит о многом.

14 января 1933 г.: «Утром у меня снова побывал Веревкин. Долго с ним я беседовал на разные темы. Разговорились с ним и на тему о китайских студентах, с которыми мой собеседник возится уже двадцать два года, и, Боже мой, каких только ругательств не высыпалось по адресу таковых. Китайские студенты – и лентяи, дармоеды, паразиты. Ничем серьезно не занимаются и не увлекаются. Даже модный среди них марксизм и коммунизм – это приблизительно то же, что модный галстук для неуча-петиметра, не более.

– Кончат университет, поступят на службу и через два-три года начнут воровать казенные деньги, – как-то заметил я своему собеседнику.

– Зачем же через два года? Сразу же! – энергично поправил меня он»²⁴.

28 ноября: «Страшная вещь – это китайское правосудие, примитивное и недалекое. Во всякой другой стране сумели бы по горячим следам найти убийцу – здесь же сделали все для того, чтобы схоронить все концы в воду...»²⁵.

Серебренниковы с грустью отмечают, что при столкновении с китайской действительностью русская культура нередко проигрывает. Это особенно заметно на детях, молодежи, которая быстро «обиностранивается», еще хуже – «окитаивается»: «...Дети быстро научаются от своих ам [нянек – С.С.] говорить по-китайски. Я и сейчас вижу часто на своей улице русского мальчика, который совсем не умеет говорить по-русски, но зато отлично объясняется по-китайски. Рассказывали мне также, что ама однажды подвела или подносила одну маленькую русскую девочку в церкви к причастию, та капризничала и кричала по-китайски: – Бу-яо, бу-яо! Это значило: – Не надо, не надо! Таковы наши маленькие китайцы»²⁶.

Раздражение китайской действительностью, сложное положение русских эмигрантов в стране, усугубленные пониманием невозможности возвращения на родину, порой порождали своеобразный колониальный дискурс в сознании И.И. Серебренникова – осознание Китая отсталой, варварской страной, жители которой, низшие существа, самонадеянно вознамерились освободиться от рабства. Характерна в этом отношении запись от 25 мая 1934 г.: «Вчера я поздно ночью возвратился из Русского клуба, где я играл в шахматы и пил пиво. Я играл неудачно и был в плохом настроении. На каменном полу ниши, куда выходит парадное крыльцо моей квартиры, я наткнулся на какое-то маленькое существо, свернувшееся калачиком и, видимо, расположившееся тут спать. Я растолкал это существо. Оно завозилось, и я узнал его. Это был маленький китайчонок, уличный

²² Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых... С. 233, 234.

²³ Там же. С. 156.

²⁴ Там же. С. 281.

²⁵ Там же. С. 350.

²⁶ Там же. С. 382.

бродяжка, нищий-попрошайка наших кварталов. Я расвирепел... Как посмел этот маленький желтый расположиться на ночлег у дверей белого?! Несчастливая раса... жалкие рабы, надумавшие стать свободными!»²⁷.

Но тут же, как отрезвление, смешанное с жалостью и стыдом, пришло понимание того, что судьба русских там, на родине во многом схожа с судьбой китайцев: «Я в ярости хотел вышвырнуть китайчонка на середину улицы, чтобы впредь не было повадно ему ночевать, где не следует, и вдруг остановился. Китайчонок что-то жалобно лепетал со сна, перемешивая китайские слова с русскими, которым он научился тут же, *на наших улицах* [курсив мой – С.С.], где так много гуляет и бродит русских. Среди этих слов я явственно услышал восклицания: – Дядя, дядя! Он, видимо, просил моего разрешения переночевать у дверей моей квартиры. И вдруг я вспомнил свою родину, своих рабов, захотевших тоже стать свободными, своих русских беспризорных, детей, ютящихся порой по ночам в водосточных канавах и трубах. Я закрыл глаза и прошел в свою квартиру. Китайчонок, нужно думать, спокойно переночевал у дверей моего дома...»²⁸.

Дневники Серебренниковых – не единственный пример двойственного восприятия Китая, характерного для сознания русских эмигрантов. Осознавая себя носителями европейской прогрессивной культуры, эмигранты зачастую видели в Китае отсталую, малокультурную страну – «азиатчину», в которой вынуждены прозябать волей судьбы. Показательно, что в 1920-30-е гг. в эмигрантской среде продолжали сохраняться характерные для начала века идеи цивилизаторской миссии европейской (а значит и русской) культуры в Китае²⁹. И даже те, кто стремился открыть для себя древнюю, самобытную и высокую культуру Китая, смотрели на нее через призму европейской, выступая исследователями, препарирующими китайскую традицию. Принятие Китая со всей его социо-культурной спецификой практически не происходило, что было обусловлено, в частности, большой культурной чуждостью и нежеланием эмигрантов интегрироваться в китайскую среду. Негативное видение Китая подкреплялось и крайне непростой обстановкой внутри страны, осложнявшей и без того зыбкое положение русских эмигрантов, которые подобно «ряске в непогоду»³⁰ находились во власти жестоких мировых бурь.

²⁷ Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых... С. 390.

²⁸ Там же.

²⁹ Например, см.: Ершов М. Современный Китай и европейская культура. Харбин, 1931.

³⁰ Именно такое название дали своей научной работе о судьбе русских эмигрантов в Китае коллектив китайских историков под руководством Ли Сингэна: Фэньюй фупин: Эго цяоминь цзай Чжунго (1917-1945) = Ряска в непогоду: Русские эмигранты в Китае (1917-1945) / Под ред. Ли Сингэна. Пекин, 1997.